

УДК 343.236

В.И. Резюк*преподаватель каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***СТАДИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: О ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ**

В статье рассматривается проблема выделения стадий преступления в уголовном праве. Сформировавшееся на текущий момент в теории уголовного права мнение о стадиях преступления: приготовление, покушение, оконченное преступление – часто воспринимаемое как догма и постулат отрасли. Эта позиция свойственна для практически всех правовых систем, в том числе российской и белорусской, относящихся к континентальной (романо-германской) семье и выделенной при исследовании постсоветской школы.

Введение

На стадии предварительного расследования допускается достаточно большое количество ошибок, связанных с квалификацией преступления. Фактическое формирование мотивов, целей ряда преступлений происходит не в момент приготовления или покушения, а часто задолго до них: в момент если и представляющий интерес, то преимущественно для административно-профилактического регулирования или при криминологическом исследовании.

Первым российским уголовным кодексом принято считать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение). Разработка Уложения осуществлялась в течение продолжительного периода: началом разработки можно считать организацию Александром I специальной комиссии под руководством М.М. Сперанского для подготовки нового акта, завершением – утверждение 15 августа 1845 г. Уложения Николаем I.

Знаменательность Уложения не только в кодификации норм, но и в отражении преступления как последовательно развивающегося поведения лица, включающего следующие этапы (стадии): обнаружение умысла, приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление. В ст. 8 отделения второго «О умысле, о приготовлении к преступлению, о покушении на оное и о совершении преступления» главы первой «О существе преступлений и проступков и о степенях вины» раздела первого «О преступлениях, проступке и наказаниях вообще» Уложения было сказано: «При сужденіи о преступленіяхъ умышленныхъ, принимаются въ уваженіе и различаются: одинъ лишь чрезъ что-либо обнаруженный на преступленіе умыселъ, приготовленіе къ приведенію онаго въ дѣйство, покушеніе на совершеніе и самое совершеніе преступленія» [1, с. 2]. А в ст. 117 пункта первого «О наказании по мере большей или меньшей умышенности преступления» отделения второго «О мере наказаний» главы третьей «О определении наказаний по преступлениям» главы второй «О наказаниях» того же раздела Уложения говорится: «Изьявившій на словахъ или письменно, или же обнаружившій какимъ-либо дѣйствиємъ намѣреніе совершить преступленіе, наказывается за сіе, какъ за преступный умыселъ» [1, с. 37].

Уложение 1845 г. было первым и последним отечественным уголовным законом, устанавливающим ответственность за обнаружение умысла на совершение преступления.

Один из принципов уголовно-правового регулирования романо-германской правовой системы, ставший общепризнанным, гласит: «Cogitation poenam nemo patitur» («мысли ненаказуемы»). «Cogitationis poenam nemo patitur – говорит римское право, и это начало вошло во все европейские кодексы и даже в наш», – отмечал в 1878 г. известный российский адвокат В.Д. Спасович [2].

Дальнейшее изменение отечественного уголовного законодательства, касающееся фактической отмены уголовной ответственности за возникновение (обнаружение) умысла, выглядит обоснованным и закономерным. Соответствует сформировавшейся прогрессивной позиции и уголовное право советского периода: в ст. 15 Закона СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» предусматривалась ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление.

Ставшая незыблемой оценка стадий преступления сохранилась и после распада СССР: в ст. 30 Модельного уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств определяется возможность ответственности за оконченное и неоконченное преступление (последним охватывается приготовление к преступлению и покушение на покушение). Сформулированные общие принципы закрепляют и действующие уголовные законодательства отдельных государств постсоветского пространства: в частности, ст.ст. 29, 30 УК Российской Федерации, ст. 10 УК Республики Беларусь.

Законодательные изменения являются логичными и последовательными, но некоторые другие выглядят спорными и неоднозначными. Так, закономерно, стадия возникновения умысла перестала рассматриваться как предполагающая возможность привлечения к уголовной ответственности, но в большинстве случаев этап возникновения умысла при квалификации преступления стал просто игнорироваться. Такой подход был свойственен советской школе уголовного права в целом. Не подвергалась критике эта позиция и в последующие постсоветские годы. Очевидно, что преступление как событие, явление в полном смысле следует рассматривать как хронологическую тетраду «формирование, возникновение умысла – приготовление – покушение – оконченное преступление», и исключение одного элемента системы не может не сказаться на качестве и содержании анализа.

Не произошло ли в отрасли права то, что, как отмечал еще Мартин Лютер, «Das Kind mit dem Bade ausschütten» («Вместе с водой выплеснули и ребенка») [3, с. 128–129], было отвергнуто необходимое вместе с ненужным, т.е. вместе с исключением ответственности за возникновение умысла была недальновидно исключена одноименная стадия преступления? Анализ ошибок в правоприменительной практике показывает обоснованность предположений.

Так, «В. и К. в доме В. вместе распивали спиртные напитки. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, начали ссору из-за того, что В. допустил оскорбление в адрес жены К. Во время ссоры К. схватил со стола нож и ударом в левую половину грудной клетки убил В. После убийства К. забрал кошелек с деньгами в сумме 300 тысяч рублей и ушел домой. К. был привлечен к уголовной ответственности и ему предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 89 (разбой) и по п. «а» ст. 100 (умышленное убийство из корысти). С такой квалификацией суд не согласился, осудил К. по ч. 1 ст. 87 и ст. 101, обоснованно исходя из того, что К. совершил убийство В. на почве ссоры. Умысел на завладение деньгами потерпевшего возник после убийства и является тайной кражей [4]».

Вот другой случай из судебной практики. По приговору суда Октябрьского района г. Гродно С. осужден по ч. 3 ст. 90 Уголовного кодекса Республики Беларусь (мошенничество). В судебном заседании потерпевшая Г. показала, что пришла в ресторан с большой суммой иностранной валюты. Боясь оставлять сумочку во время танцев без присмотра, в присутствии Н. и В. потерпевшая сама, по своей инициативе, как хорошему знакомому передала валюту С. для сохранения в течение вечера. Однако С. ей валюту не вернул, ограничившись лишь обещаниями возврата. Рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, президиум Гродненского областного суда отменил приговор районного суда в части осуждения С. по ч. 3

ст. 90 УК и взыскания в пользу потерпевшей причиненного ущерба. Как указано в постановлении президиума областного суда, умысла на обман потерпевший при получении денег С. не имел. В такой ситуации действия С. могут быть предметом только гражданско-правового спора, а не уголовно наказуемого деяния [5].

Или еще пример. По приговору Псковского районного суда от 17 июля 2013 г. А.В. Щербаков и Р.В. Тимофеев признаны виновными в совершении ряда краж чужого имущества с проникновением в жилище и помещение, в том числе в краже имущества 22.12.2012 г. из жилого дома и бани потерпевших И.В. Килло и В.В. Килло. Из описания преступного деяния, приведенного в приговоре суда, следовало, что А.В. Щербаков и Р.В. Тимофеев 22.12.2012 г. договорились о хищении имущества, принадлежащего потерпевшим Килло. Проникнув с этой целью на территорию участка потерпевших, Тимофеев и Щербаков сначала совершили хищение имущества из жилого дома, а затем, находясь на территории этого же садового участка, проникли в баню, расположенную возле дома, откуда похитили велосипед и дверцу топки от печи. Указанные действия осужденных были квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ и по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, поскольку суд исходил из того, что хищение имущества из жилого дома и из помещения бани образуют два самостоятельных преступления. Судебная коллегия признала выводы суда в этой части ошибочными и исключила из приговора указание о дополнительной квалификации действий Щербакова и Тимофеева по ст. 158 ч. 2 п. «б» УК РФ. При этом судебная коллегия указала следующее. По смыслу уголовного закона, объединенное единым умыслом хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, образует в своей совокупности единое преступление. Из установленных судом обстоятельств следовало, что Тимофеев и Щербаков договорились о хищении имущества из домовладения потерпевших Килло, то есть о хищении имущества из одного источника. Осуществляя преступное намерение и действуя с единым умыслом на хищение имущества потерпевших, они похитили сначала из дома, а затем из бани перечисленное в приговоре имущество [6].

Приведенные и многие другие ошибки, можно обоснованно предположить, есть результат недостаточно глубокого анализа этапа, предшествовавшего фактически совершенному преступлению, а именно возникновению и формированию умысла, а также его содержанию.

И хотя авторитетные специалисты не отвергали этапа «формирования/возникновения умысла» (так, по мнению профессора А.А. Пионтковского, «первой стадией, хотя и ненаказуемой, является обнаружение умысла, второй – приготовление к преступлению, третьей – покушение на преступление, четвертой – оконченное преступление» [7, с. 403]), но на практике закреплялись мнения такие: «стадиями совершения умышленного преступления следует считать различные этапы его подготовки и непосредственного совершения умышленного преступления, которые отличаются друг от друга по характеру совершаемых действий и степени заверения преступления [8, с. 235]», или «стадии совершения преступления – это определенные периоды развития преступной деятельности, качественно различающиеся между собой по характеру совершения общественно опасных действий, отражающих различную степень реализации виновным преступного умысла [9, с. 228]». В дальнейшем они трансформировались в категоричную оценку: «Различают три стадии реализации преступного умысла: 1) приготовление к преступлению; 2) покушение на преступление; 3) оконченное преступление. ... Не является преступной стадией обнаружение умысла [10]».

Как следствие, формируется достаточно спорная позиция: «Не все стадии имеют уголовно-правовое значение. Мысли человека, не реализуемые в деянии, лишены способности причинить вред общественным отношениям, т.е. стадия формирования умысла».

ла не является предметом уголовно-правовой оценки. Обнаружение умысла как изложение в устной или письменной форме кому-либо о своих мыслях и задумке преступления также не рассматривается как уголовно наказуемая стадия [11]». В целом, следует признать, закрепились позиции: если формирование/возникновение умысла не влечет уголовно-правовых последствий, нерационально рассматривать эту стадию как таковую.

Не руководствуются ли подобной рекомендацией юристы, допустившие ошибки в квалификации преступных деяний?

Является ли возникновение умысла стадией – вопрос дискуссионный, при этом в центре обсуждения стала понятийная определенность термина «стадия преступления». В целом, определенная коллизия, сложившаяся в теории права, которую можно сформулировать как признание возникновения умысла этапом, предшествующим приготовлению, но отрицание как стадии преступления, в настоящее время отчасти разрешается достаточно компромиссной позицией: разделением понятий в уголовно-правовом и криминологическом смыслах. Так, Н.Н. Лазуткин считает, что стадии совершения умышленного преступления с криминологической точки зрения и указанные стадии с уголовно-правовой точки зрения – это неоднозначные понятия. По его мнению, «под стадиями совершения преступления с уголовно-правовой точки зрения следует понимать приготовление к совершению тяжкого и особо тяжкого преступления; покушение на преступление; оконченное преступление. А под криминологическими стадиями развития умышленного преступления следует понимать возникновение умысла; формирование умысла; сформирование умысла; выявление умысла; приготовление к совершению преступлений небольшой и средней тяжести; приготовление к совершению тяжких и особо тяжких преступлений; покушение на преступление и оконченное преступление» [12, с. 45–72]. Однако вряд ли различные характеристики одного явления в двух, безусловно, тесно связанных науках, повышают эффективность нормативно-правового регулирования. Очевидна необходимость разрешения фактически сложившегося межотраслевого противоречия.

Заключение

В связи с этим предлагается выделение в теории уголовного права следующих стадий умышленного преступления:

- 1) формирование и возникновение умысла;
- 2) приготовление к преступлению;
- 3) покушение на совершение преступления;
- 4) оконченное преступление.

В пользу данной классификации можно привести ряд доводов.

1. Рассмотрение преступления как системы «формирование, возникновение умысла – приготовление – покушение – оконченное преступление» существенно снизит количество правоприменительных ошибок. Пренебрежение в характеристике любого элемента системы делает неполноценной оценку всей системы.

2. Включение в стадии преступления возникновения умысла, которое в принципе не влечет уголовно-правовых последствий и, более того, не урегулировано нормами уголовного законодательства, не является противоречивым в связи с тем, что понятие «стадия» является категорий уголовного права как науки, но не отрасли права, т.е. в уголовном законодательстве не закреплено.

В качестве связующего звена всех элементов системы стадий преступления привлекательной выглядит позиция: «Каждая предыдущая стадия поглощается последующей» [13, с. 123]. Уместной выглядит и оговорка, что стадия возникновения умысла не предполагает ответственности, имеющей перспективу закрепления в уголовном законе.

Это расширило бы пределы применения метода поощрения уголовно-правового регулирования, что способствовало бы и общей гуманизации уголовного законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уложение о наказаниях уголовныхъ и исправительныхъ. – СПб. : Тип. Второго Отделенія Его Императорскаго Величества. Канцелярія. – 1845. – 898 с.
2. Спасович, В. Д. Речь в защиту Л. А. Чемодановой // Семь судебныхъ речей по политическимъ деламъ (1877–1887) / В. Д. Спасович. – СПб. : Изданіе Б. Врублевскаго. – 1908. – 232 с.
3. Серов, В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2003. – 880 с.
4. Квалификация умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах [Электронный ресурс] : Обзор судебной практики Верховного суда Республики Беларусь // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
5. Правильно установив фактические обстоятельства дела, суд дал неправильную оценку действиям С. в отношении Г., признав С. виновным в мошенничестве [Электронный ресурс] : Постановление Президиума Гродненского областного суда Республики Беларусь 10 апреля 2000 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
6. Ошибки в применении норм уголовного закона [Электронный ресурс] : Обзор апелляционной практики Судебной коллегии по уголовным делам Псковского областного суда за 2 полугодие 2013 года / Псковский областной суд. – Режим доступа: http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=6. – Дата доступа: 27.09.2015.
7. Курс советского уголовного права. Преступление : в 6 т. / ред. кол.: Л. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 1970. – Т. 2. – 516 с.
8. Советское уголовное право. Часть общая / под ред. М. А. Гельфера, П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. – М. : Юрид. лит., 1972. – 582 с.
9. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – М. : Инфра-М, 2008 – 548 с.
10. Симаков, Г. Ф. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : конспект лекций [Электронный ресурс] / под. ред. Л. И. Александрова. – Режим доступа: http://abc.vvsu.ru/Books/ug_pr_ob/default.asp. – Дата доступа: 27.09.2015.
11. Стадии совершения умышленного преступления [Электронный ресурс] / Сайт студентов БарГУ. – Режим доступа: <http://bargu.by/189-stadii-soversheniya-umyshlennogo-prestupleniya.html>. – Дата доступа: 27.09.2015.
12. Лазуткин, Н. Н. Предупреждение преступлений на различных стадиях их совершения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Н. Лазуткин. – Ростов н/Д, 2001. – 182 с.
13. Уголовное право России : учебник для вузов : в 2-х т. / редкол.: А. Э. Жалинский [и др.]. – М. : Норма, 1997. – Т. 1. – 639 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.02.2016

Rezyuk V.I. Stages of Crime: The Problem of Allocation

In the article the author analyzes a problem of allocation to stages of the crime. Currently, the formed in the theory of criminal law opinion about the stages of the crime includes: preparation, attempt, completed crime – and it is often perceive as a dogma. This position is characteristic for almost all legal systems, including the Russian, Belarusian, relating to the continental (Roman-Germanic) family and highlighted in the study of post-Soviet school.